

Аноним

**Рождение пролетарского
анархизма в России**

**Из воспоминаний участника
белостокской группы**

Оглавление

***	3
Личности	24
Антон Нижборский («Антек»)	24
Анархист-коммунист Арон Елин («Гелинкер»)	27
Нисан Фарбер	30

* * *

В белостокскую группу анархистов-коммунистов я вступил только в начале 1905 г. Весь первый период ее работы известен мне только понаслышке и то очень слабо. Мое знакомство с дальнейшей деятельностью группы также страдает существенными пробелами. И берусь я за составление этих заметок лишь по следующим причинам: 1) белостокское движение настолько богато событиями и настолько разносторонне, что его история может быть только коллективной работой всех оставшихся в живых его участников; 2) число этих последних настолько незначительно, что история этой богатой жертвами, лучшей страницы нашей работы в России грозит быть забытой. Буду надеяться, что появление в свет этих, набросанных между делом, порой сбивчивых заметок, заставит других «последних могикан» белостокской группы взяться за перо. *«Анархисты Белостока всегда жили думами и страданиями рабочей массы, боролись с буржуазным строем всегда совместно с массой, никогда в стороне от массы»* — так справедливо писал в примечании к письму покойного тов. Стриги, теперь уже тоже погибший т. Густав. Эта тесная сплоченность анархистов Белостока с рабочей массой объясняется, конечно, не только их личными особенностями. Ее причины коренятся в самом характере рабочего движения в Белостоке вообще. С самого своего возникновения это движение носило в себе чисто анархические тенденции; так еще в 90-х ткачи во время стачки прибегали к порче материалов, избиению, а иногда и убийству своих хозяев. С девяностых годов начинается работа политических партий. Через несколько лет С.-Р.-ы, П.П.С. и в особенности Бунд пользуются прочным влиянием на рабочие массы. Но и внутри этих политических организаций идет вечное брожение, недовольство половинчатостью, недоговоренностью, отсутствием революционного размаха. К моменту появления сознательных анархистов все элементы анархического движения были уже налицо, особенно много было революционеров-рабочих, искавших приложения своих сил.

Начало сплочения этих одиночек в анархическую группу было положено весной 1903 года прибывшим из Лондона товарищем. Он прочел несколько рефератов среди бундовской интеллигенции и рабочих и ему удалось привлечь на свою сторону несколько очень энергичных революционеров. Вместе с Григорием Брумэром («Борис», умерший в Петропавловской Крепости) он в самое короткое время успел организовать в Белостоке первую анархическую группу, называвшуюся Интернациональной Группой «Борьба». Началась работа. Устраивали кружки, массовки; посещали собрания других организаций и на них вызывали дискуссии; выпустили несколько гектографированных прокламаций (из них одну о полицейском, тяжело ранившем рабочего). С самого начала стали вести рабочие стачки (из стачек, во главе которых в то время стояла группа, помню стачки портных, ткачей, сапожников).

Появление анархистов вызвало большой переполох во всех организациях, в

особенности среди бундовцев, которые стали закидывать их грязью, называть их ворами и так далее в бундовском духе.

Несмотря на это, анархическая работа росла и крепла. Анархисты стали вмешиваться также и в другие области рабочей жизни. Во время демонстративного шествия рабочих в июле 1903-го года из леса в город полиция напала на демонстрантов и сильно избивала многих из них. На следующий день после этого события анархисты тяжело ранили особенно усердствовавшего старшего городского Лобановского, а через несколько дней они стреляли (неудачно) в полицеймейстера Метленко. Оба эти акта еще больше укрепили симпатии рабочих к анархизму. Спрос на литературу возрос. Ее требовали не только в Белостоке, но и в Гродно, Бельске (Гродненской губ.), Заблудове, Крынках и других окрестных городах, в которых члены Белостокской организации повели систематическую пропаганду. Было издано несколько гектографированных брошюр: Черкезова «Раскол среди социалистов-государственников»; Неттлау «О взаимной ответственности и солидарности в борьбе рабочего класса» и неизвестных авторов: «Труп», «Симон Адлер», «Воровство». Некоторые из этих брошюр были изданы на русском и еврейском языках, но по отношению к размерам предъявлявшихся на них требований, все это было лишь каплей в море.

В январе из заграницы был привезен транспорт литературы фунтов в двадцать. При тогдашнем голоде на книги это показалось насмешкой. Денег на издательство также не было. Из анархических организаций, действовавших в России, белосточанам была известна только одесская «Группа Непримириемых», составившаяся из анархистов и махаевцев. Шли слухи, что у нее в отношении денег и литературы дела обстоят сравнительно хорошо; но прямых связей с ней не было ни у кого. Разыскать «Непримириемых» взялся товарищ Городовойчик (Ицхох Блехер, казненный 15-го ноября 1906 г.). Без копейки денег в кармане, он, забравшись под лавку вагона, добрался до Одессы. Здесь, ночуя в парке, он в течение трех дней блуждал голодный по городу, пока случайно не встретился с анархистом из Белостока, работавшим в это время в одесской группе. Связавшись через него с «Непримириемыми», он получил от них немного денег и литературы и благополучно вернулся «домой».

Несмотря на такое отсутствие средств, успехи группы неуклонно продолжали расти. Число кружков увеличилось, массовки стали устраиваться чаще. Началась организация безработных для экспроприации хлеба, обуви, платья и т.д. Количество революционных стачек также продолжало разрастаться. Тем же летом анархист Нисель Фарбер тяжело ранил владельца крупной прядильной мастерской Кагана. В этой мастерской происходила стачка. Когда бастовавшие рабочие пришли снимать штрейкбрехеров, произошла свалка, во время которой один из рабочих был тяжело ранен железной палкой в голову. Опасаясь мести стачечников, Каган окружил свою квартиру и мастерскую полицией. Дождавшись его у синагоги, Фарбер тяжело ранил его ударом ножа в шею.

6-го октября 1904 г. тот же Фарбер в ответ на расстрел полицейскими мирного собрания рабочих бросил бомбу в полицейский участок. Бомба ранила двух городских, шпиона-писаря и убила двух буржуа, случайно находившихся в канцелярии и самого Ниселя.

В начале зимы 1904 г. анархистами был тяжело ранен околочный надзиратель, жестоко избивавший арестованных.

О втором из этих покушений вышла большая прокламация (гектографированная). Около того же времени были выпущены гектографированные брошюры: «Долой частную собственность», «Кто мы и чего мы хотим».

Влияние анархистов на рабочие массы росло. От Бунда и П.П.С. откололись «оппозиции», которые целиком перешли к группе.

Между тем по всей России революционные события шли своим чередом; наконец грянуло 9-ое января. Бундовский комитет объявил всеобщую политическую стачку, причем для особенной «политичности», призывал рабочих не выставлять экономических требований. Понятно, что анархисты от участия в такой стачке отказались. Тем не менее, они все же старались придать движению возможно больший размах: приняли участие в перестрелке между рабочими и напавшей на них полицией, агитировали (с некоторым успехом) стачечников экспроприировать съестные припасы. Как и следовало ожидать, большая часть рабочих в чисто политической стачке участия не приняла. Через две недели С.-Р. и П.П.С. объявили вторую всеобщую стачку; на этот раз рабочими были выставлены экономические требования.

В этой стачке анархисты приняли самое активное участие. Под влиянием их агитации рабочие самым широким образом применяли экономический террор и экспроприацию средств потребления. Насколько эта тактика владела в то время умами рабочих, видно из того, что даже с.-р.-ы прибегали к экономическому террору.

Стачка кончилась. Испуганная экспроприациями и террором буржуазия удовлетворила все требования рабочих. Последние добились тогда 8-ми часового рабочего дня в мелких мастерских, 9-ти часового в крупных и повышения заработной платы от 25 до 50%.

После стачки революционное движение в городе усилилось. Испуганная буржуазия вызвала казаков. Начались бесчинства. Казаки избивали прохожих, врывались в квартиры и устраивали в них форменные разгромы.

Сначала все пряталось по углам, потом началось наступление. Извозчики, среди которых систематически велась анархическая пропаганда, организовались в вооруженный отряд. Такой же отряд организовала и группа «Борьба». После первых же нападений (было убито всего два казака) казаки перестали показываться на улицах.

В этой «казачьей истории» еще раз обнаружилось влияние и распространенность анархических методов борьбы. Конспиративно от своих организаций с.-р.-ы и бундовцы на глазах у тысячной толпы напали в синагоге на богача

Вейнрейха, по настоянию которого власти удерживали в городе казаков. Плохенький револьвер трижды дал осечку, и выстрелить им так и не удалось, но казаки после этого были отозваны.

Анархическая работа разрослась и окрепла. Удовлетворяться гектографированной литературой стало совершенно невозможно. Группа вместе с с.-р.-овской организацией, организовала нападение на легальную типографию и экспроприировала более двадцати пудов шрифта.

На этом кончается первый и самый тернистый период анархистской работы в Белостоке (1903-1905 г.г.). Приходилось бороться не только с безденежьем и отсутствием оружия, не только с полицейскими набегами и идейными противниками, но и с самыми грозными клеветами господ социалистов. Десять-двенадцать человек, составлявшие белостокскую группу, в первый период ее существования, должны были обладать железной волей, чтобы при таких условиях создать основу для широкого массового движения. А ведь они, кроме Белостока, создали группы в Гродно, Бельске, Заблудове, Хороше, Тростянах, Волковыске, Орле, Крынках, Ружанах и во многих других местах. Завоевывая себе все более глубокие симпатии в широких слоях рабочего населения Белостока, анархизм параллельно с этим все сильнее проникал и в тамошние социалистические организации. Выше я упоминал об «оппозициях», перешедших к группе от Бунда и П.П.С. Но особенно сильно было разрушительное влияние анархизма на организацию социалистов-революционеров. В мае 1905 года вся, так называемая, агитаторская сходка вместе с большим числом кружков перешла к анархистам. Среди членов этой сходки были между прочим Елин (Гелинкер) и Судобичер (Цалька портной, казненный в Варшаве в ноябре 1906 года). Этот приток свежих людей уже сам по себе был в состоянии чрезвычайно оживить работу, а тут почти одновременно с ними прибыло из заграницы сразу пять агитаторов-пропагандистов и движение сделало прямо-таки гигантский шаг вперед.

Но раньше, чем перейти к описанию нашей тогдашней работы, скажу несколько слов о внутреннем распорядке группы. В мае 1905 года белостокская группа состояла из шестидесяти вполне сознательных анархистов. Чтобы производительнее использовать свои силы, мы разбились на пять группок или как мы их тогда называли «федераций». Федерации складывались двояко: или по чисто личным привязанностям их членов, такова «С.-Ровская федерация», которую составили бывшие социалисты-революционеры; или по условиям работы, такова «Польская Федерация», задачей которой была агитация в среде значительно отсталых польских рабочих, где другие члены группы не могли работать по незнанию языка. Каждая «федерация» была вполне автономна: самостоятельно проводила стачки, распространяла литературу, заведовала обслуживанием близлежащих местечек. Для того, что касается всей группы (типография, сношения с заграницей и т. д.) существовали специальные федерации, или, как мы их называли «сходки». Таких сходок было три: техническая,

оружейная (белосточане в шутку называли ее «вооруженная») и литературная. Из них первая заведовала только типографией; «вооруженная» снабжала группу оружием, которое состояло главным образом из бомб; литературная добывала из-за границы литературу и обслуживала типографию рукописями. Неконспиративные дела, касающиеся всех пяти группок, решались обыкновенно на их общих собраниях. Помню, на первом таком общем собрании группы, на котором мне пришлось присутствовать, обсуждался вопрос о типографии. Шрифт был, не хватало только денег на постановку. Решено было сделать сбор среди членов группы и анархистских кружков. Сбор этот дал немного более 200 руб. На эти деньги и была поставлена первая белостокская типография «Анархия».

Движение приняло широкий, массовый характер. И в Белостоке, и в его окрестностях оно сразу вылилось не только в широкой пропаганде и в террористических актах, но и в революционных экономических стачках и экспроприациях средств потребления. В самом начале этого периода анархисты стояли во главе целого ряда стачек прядильщиков и ткачей, происходивших на многих суконных фабриках Белостока и его окрестностей.

К характеристике тогдашнего движения опишу в кратких чертах одну из крупных стачек того времени.

Вблизи местечка Хорощ (Белостокского уезда) имеется крупное имение некоего Моэса; тут же расположена большая суконная фабрика того же владельца. В имении и на фабрике в общем занято более семи тысяч рабочих. У этого-то Моэса и началась забастовка всех его рабочих. Почти с первых же дней стачечники заняли амбары и погреба. Это на долгое время обеспечило их хлебом, овощами и молочными продуктами. Возбуждение было так сильно, что перепуганный владелец бежал за границу. Прождав его напрасно несколько дней, рабочие решили занять мастерские, чтобы «работать на себя», т. е. экспроприировать их. Осведомленный по телеграфу об этих событиях Моэс поспешил немедленно удовлетворить все требования рабочих.

Нечего и добавлять, что во главе этой стачки стояли анархисты и максималисты. Анархисты же стояли во главе целого рода стачек и ремесленного пролетариата: сапожников, портных, кожевников, маляров, столяров, пекарей. Из таких стачек в провинции, помню стачку всех щетинщиков местечка Тростяны (июнь 1905 г.).

В апреле 1905 года Гелинкером был убит дворник, выдавший полиции квартиру, на которой находилась часть нашего шрифта. Этот, с первого взгляда маловажный акт, имеет тем не менее громадное значение: в нашем сравнительно небольшом городе он окончательно дезорганизовал шпионскую систему дворников и этим значительно нам облегчил ведение агитации и пропаганды.

Очень часто среди бела дня убивали постовых городских, благодаря чему они все реже и реже стали появляться на бирже.

Это обстоятельство также немало содействовало успеху нашей работы. Аги-

тация и пропаганда принимали все более широкий, все более массовый характер. Кроме рефератов для членов группы и кружков для «сочувствующих», устраивались массовки от 300 до 500 человек каждая; почти каждый вечер на бирже начинались дискуссии, постепенно переходившие в митинги. Очень часто эти митинги, в особенности, если выступал Стрига или Виктор (Ривкинд, казненный в Варшаве в числе 16-ти) собирали по три и по пять тысяч человек. Из выступавших на этих митингах назову также Бахраха («Нотка», убитый во время погрома).

Среди кружков было также и несколько солдатских. Прокламации на злобу дня, обращенные к рабочим, крестьянам или солдатам выходили почти каждые два-три дня. Но потребность в листках была так велика, что, несмотря на самые настоятельные требования, группе часто приходилось отказывать в посылке их в окрестные местечки.

Чтобы охарактеризовать работу, которую нам в это время пришлось вести, скажу несколько слов о себе самом, предварительно оговорившись, что и по способностям и по энергии я выше среднего уровня наших групповиков отнюдь не стоял. На моей обязанности было встречаться с 70 рабочими и в течение недели проводить среди них кружки (семь кружков по 10 человек) Проработав до 6 часов вечера в мастерской (нелегальных в группе тогда почти совсем не было), выходишь, бывало, на биржу и в отчаянии разводишь руками: почти каждый из моих кружковиков опять привел какого-нибудь «хорошего рабочего», который хочет побеседовать об анархизме. В конце концов вместо одного кружка приходилось проводить каждый вечер по три, по четыре. Некоторые кружки терпеливо ждали своей очереди заниматься по два, по три часа. Только к двум часам ночи удавалось вернуться домой. При этом не следует забывать, что при такой интенсивной, чисто пропагандистской работе надо было находить время и для собраний стачечников, и для других узко групповых дел.

В среде политических партий началась страшная сумятица. Для борьбы с анархизмом Бунд стянул все свои интеллигентные силы со всего района (по подсчету некоторых товарищей около 40 человек). Суражская улица («биржа») сделалась ареной ожесточеннейших дискуссий.

Обыкновенно начиналось с того, что наши групповики (большой частью рабочие) завязывали дискуссии с бундовскими интеллигентами; скоро вокруг каждой пары диспутантов собиралось по 200, 300 человек. Постепенно эти кружки сливались в один большой митинг, перед которым выступали уже наши интеллигенты. Почти каждый митинг кончался для бундовцев новыми потерями их адептов, выступавших из состава организаций. Кончилось дело тем, что они перенесли свою биржу в богатые кварталы. Бундовцы бежали! Расположенная в центре рабочих кварталов, когда-то основанная бундовцами традиционная биржа на Суражской улице, осталась за нами. Кто знает, какую роль играла биржа для пролетариата западной России, поймет значение этой

победы. Не только в Белостоке, но и в окрестных городках анархисты с этой поры стали безраздельными господами положения. Почти все рабочие стачки происходили под непосредственным влиянием анархистов. Случалось, что оставшиеся не у дел организации политических партий пытались проникнуть в среду бастующих, чтобы «вести» их стачку. В таких случаях рабочие нередко попросту предлагали им убраться.

«Польская» федерация успела, между тем, не менее широко развить свою деятельность, благодаря чему на всех крупных фабриках появились многочисленные агитаторы анархизма из христиан.

Росла также работа и в окрестностях. То и дело из местечек приезжали с требованием послать человека для организации анархических групп из отколовшихся от политических партий «оппозиций». Из других мест приезжали рабочие, чтобы звать анархистов вмешаться в их стачечную борьбу. К этому же времени нашей «литературной сходке» впервые удалось сразу раздобыть значительное количество литературы.

Из заграницы в большом количестве экземпляров были привезены «Хлеб и Воля», «Безначалие», сочинения Грива, Кропоткина и др. Кроме того московская, киевская и петербургская группы присылали нам свои листки. Из Риги покойный Энгельсон, всецело посвятивший себя делу издания анархической литературы, прислал довольно большое количество гектографированных книг и брошюр: Грива «Умиращее общество и Анархия», Кропоткина «Анархия ее философия, и ее идеал», Бакунин «Бог и Государство» и около десятка других изданий. Кроме того, группа почти ежедневно выпускала прокламации, которые в большом количестве экземпляров расходились среди рабочих, крестьян и солдат. (Из крестьянских прокламаций особенно большой успех имела перепечатка манифеста к крестьянам, первоначально изданного московскими анархистами-общинниками).

В июне 1905 г. произошла знаменитая лодзинская бойня. Белостокские максималисты предложили тогда нашей группе объединиться с ними для проведения всеобщей стачки протеста. По поводу этого предложения было создано несколько групповых собраний. Предложения максималистов мы не приняли. Было ясно видно, что рабочие настолько возмущены, что забастуют и без нашего призыва. Казалось, что если мы будем достаточно энергичны, то движение пойдет куда дальше обыкновенной стачки. Тут-то Стрига и выдвинул впервые свою идею временной коммуны. Предстояло захватить город, вооружить массы, выдержать целый ряд сражений с войсками, выгнать их за пределы города. Параллельно со всеми этими военными действиями должен был идти все расширяющийся захват фабрик, мастерских и магазинов. Начинать нужно было со сражений, а для них не было оружия. Одна из наших федераций предприняла крупную экспроприацию. Наспех организованная, последняя не удалась. Между тем рабочие массы, не дождавшись нашего приглашения, бросили работу. Готовиться стало поздно, надо было действовать.

На митингах в 15-20 тысяч человек наши ораторы призывали к вооруженному восстанию. Политические организации умоляли рабочих ограничиться однодневной стачкой протеста. Рабочие просили оружия, в ответ на что мы могли лишь пожимать плечами. Через три дня стачка кончилась, но еще в ее начале мы хорошо понимали, что, несмотря на все свои великие планы, мы вынуждены будем сидеть, сложа руки и наблюдать, как рабочие понемногу будут возвращаться на работу. Всем было тоскливо, брала злоба. В эту-то минуту всеобщих досадований Гелинкер отправился с бомбой на «полицейскую биржу». Скажу несколько слов об этой бирже. Власти постоянно боялись того, что анархисты на Суражской «начнут бунт»; изо дня в день собирались высшие полицейские чины на Базарной улице и тревожно ждали донесений. В конце концов эта тревога вошла в обычай и полицейские настолько привыкли к тому, что бунта надо ждать и сегодня, и завтра, и послезавтра, что начали вносить комфорт в условия своего тревожного наблюдательного существования. Так например, помощник полицеймейстера, господин, страдавший постоянной одышкой, приказал вделать в стенку одного из домов на Базарной улице стул, ключ от которого всегда носил с собой. Каждый вечер вокруг этого полицеймейстерского стула толпились пристава, их помощники, околоточные, это-то и была полицейская Биржа. На этой бирже и разорвалась бомба Гелинкера. Помощник полицмейстера, пристав, два околоточных и три городских были тяжело ранены. Ни сам Гелинкер, ни толковавшие этот акт, не пытались внести в этот случай какое-нибудь конкретное, частное содержание. Всем было ясно, что это лишь случайный эпизод в борьбе между полицией и анархистами, не более как попытка дезорганизовать наблюдательный пост неприятеля, изъять из употребления лишние десятки полицейских.

Взрыв бомбы был очень силен; солдаты, находившиеся на ближайших постах, разбежались. Полиция вызвала новый отряд войска, и началось по всем улицам избиение прохожих, которое длилось всю ночь напролет.

Как сказано выше, стачка кончилась через три дня после своего возникновения. Несмотря на свое военное бессилие, она все же привела буржуазию в трепет. Полиция трепетала еще больше прежнего.

Война между двумя биржами продолжалась, однако, с не меньшим ожесточением, чем до сих пор. То и дело на рабочей бирже появлялись сильные отряды полиции, пытавшиеся кого-нибудь арестовать. Биржа в таких случаях избегала открытых столкновений. Пользуясь десятками проходных дворов, выходивших в запутанные рабочие переулки, она прятала преследуемого и рассеивалась. Полиция оставалась одна на улице; в течение четверти часа никто не показывался. А через четверть часа снова черна улица от народа, снова в прежнем составе стоят сотни кучек, продолжая прерванные дискуссии. Когда полиции удавалось перехитрить биржу, последняя жестоко мстила. Так, например, однажды под вечер, когда биржа была еще очень малолюдна, сильный полицейский наряд арестовал Стригу и «Вассера». По дороге в участок Стрига

был сильно избит. Через два дня после этого ареста, среди бела дня был убит городской, указавший их полицейскому наряду. Вслед за этим последовал целый ряд покушений на прямых участников ареста.

Высшие полицейские чины перестали появляться на улицах. Городовые решительно отказались занимать посты на Суражской улице, их заменили солдаты. Биржа только посмеивалась: нашей литературе открылся таким образом свободный путь в далеко от города расположенные казармы. Каждый вечер солдаты возвращались туда с полными карманами анархических прокламаций. Солдат с биржи пришлось убрать. Полиция была в бешенстве. Наконец она решилась на такую меру: в проулках, граничащих с Суражской улицей, было спрятано несколько рот пехоты. Как раз в ту минуту, когда на бирже было больше всего народу, солдаты без всякого предупреждения произвели несколько залпов. В результате, оказалось 10 убитых и несколько раненых. В 10 часов вечера произошел расстрел биржи, а назавтра утром в городе уже была всеобщая стачка и улицы были полны возмущенных, протестующих рабочих. Вместо грозной победительницы, наводящей страх и трепет, полиция оказалась в самом жалком положении. Она засела в своих норах, и, чтобы отомстить ей за убийство, ее надо было какой-нибудь хитростью выманить на улицу. С этой целью на одной из паровых мельниц был дан тревожный гудок, которым в нашем городе извещают о пожаре. По всем дорогам от участков к месту мнимого пожара стояли наши товарищи, вооруженные бомбами. Около четверти часа весь город оглашали мрачные, за душу хватающие призывы мельничного гудка, но ни один полицейский не решился выйти за порог участка. Час мести пришлось отложить. На другой день после этого многотысячная толпа рабочих проводила на кладбище трупы убитых и вернулась на работу. Победа осталась за биржей.

По мере того, как развертывались все эти события, наша работа принимала все более и более широкий массовый характер. Когда-то могущественные организации политических партий влачили теперь жалкое существование. Большинство их участников перешло в нашу группу. Биржа достигла своего апогея. Каждый вечер на Суражской улице дискутировало, присутствовало на массовках, обучалось в кружках до 5 тысяч человек. Наша литература, расходившаяся в громадном количестве, читалась прямо на глазах у полиции. Больше того: очень часто можно было видеть городского, подхитившего к раздававшему прокламации с смиренной просьбой: «Дай же ж и мыни лысточка, хйба ж я ны чоловік». Собравшись в кучку человек в 10, городовые с солдатами ставили кого-нибудь «на патруль» и, читая вслух, обсуждали наши прокламации.

Стачки целых цехов, проходившие под непосредственным руководством нашей группы, сделались повседневным явлением. Все реже и реже политические партии становились во главе рабочих стачек. Надо, однако, сознаться, что нам в этом отношении не удалось избежать участи всех революционных

организаций северозападной России: наша группа сделалась чем-то вроде бюро для поставки стачечной удачи, и нередко от несознательных рабочих можно было слышать: «Если уж анархисты или максималисты поведут нашу стачку, то мы ее обязательно выиграем».

Действительно, часто достаточно было только заявить, что стачку ведут анархисты, чтобы все требования были сразу удовлетворены. Этот необычайно быстрый рост анархического движения все больше и больше приводил богачей и полицию в отчаяние. Чувствовалось, что скоро так или иначе должен произойти взрыв, который далеко оставит за собой первый расстрел биржи.

К концу июля мы заметили, что вместо обычных 7-ми часов вечера солдаты начали появляться в 10-11 часов утра. «Что-то готовится», говорили мы и решили быть настороже. Через несколько дней мы узнали, что к тридцатому июля (1905 г.) бундовцы готовили мирную манифестацию. По-видимому, полиция решила воспользоваться этим днем, чтобы в крови потопить наше движение. Но она знала, что это так просто пройти не может и готовила бойню исподволь. 31-го июля патрули появились на бирже еще до 10 часов утра. Рабочие собирались медленно. К часу дня в кучках вдоль улицы было не больше тысячи человек. В это время солдаты начали разгонять. Рабочие не расходились. Один из солдат подошел к рабочему (Муля Шустер, между прочим, тоже запасный рядовой) и приказал ему уйти.

— А что будет, если я не уйду?

— Не уйдешь, застрелю.

— Стреляй, — ответил Шустер, приняв эту угрозу за шутку.

Солдат отошел на несколько шагов и выстрелом в грудь уложил его наповал. Вслед за этим раздалось еще несколько выстрелов. Кроме убитого Шустера на тротуарах лежало еще несколько раненых рабочих. Биржа моментально опустела, но через 10 минут улица была уже переполнена негодующими рабочими.

Несколько анархистов прошло по улице, упрасивая всех разойтись. Один из наших товарищей тем временем отправился на конспиративную квартиру за бомбой. Он рассчитывал на то, что пока вернется с ней, биржа успеет опустеть. Расчет этот к несчастью оказался неверным.

Просят уйти с биржи, должно быть будет бомба; переходило из уст в уста — и никто не трогался с места.

Когда бомбометатель вернулся со снарядами, вдоль обоих тротуаров стояла густая толпа рабочих, почти соприкасавшаяся с солдатами. Раздался взрыв. Разорвавшийся снаряд ранил офицера, четырех солдат, самого бомбометателя и к несчастью, убил пропагандистку из Бунда.

Среди солдат воцарилась паника; некоторые из них попадали, другие, побросав винтовки, пустились бежать. Этим моментом и воспользовались товарищи, чтобы унести на плечах раненного бомбометателя.

Через полчаса по всему городу уже шла стрельба. Началась знаменитая

бойня 30 июля, описанная во всех легальных газетах. От трех часов дня до 9-ти часов вечера солдаты все расстреливали и расстреливали. Только в 10 часов вечера стало возможно выйти на улицу, чтобы оказать первую помощь раненым, подобрать убитых. Назавтра все рабочие Белостока и окрестных местечек побросали работу. Началась всеобщая стачка, которая длилась до окончания похорон. На дворе еврейской больницы, куда были доставлены раненые, собрался 15-ти тысячный митинг протеста. Рабочие были в страшном озлоблении. Опасаясь вооруженного восстания, власти окружили город пушками и объявили, что, в случае каких-либо беспорядков он будет бомбардирован. Без оружия, без динамита, не подготовленная к этим событиям, наша группа должна была промолчать, потому что при таких условиях вместо баррикад и прямого нападения на солдат, выступить с несколькими бомбами значило отдать город на растерзание солдат.

В понедельник 1-го августа происходили похороны убитых. При повышенном настроении рабочих можно было ждать новых событий. «Добрые» буржуа поспешили, однако, вмешаться и упростили полицию убрать войска. В 12 часов дня по людным улицам Белостока двинулась тридцатитысячная толпа. Впереди мрачно и мерно покачивалось сорок гробов; пестрели черные и красные ленты на венках от анархистов, максималистов, с-ров, п.п.с.-ов, бундовцев, учащихся и т. д. Многотысячный хор оглашал улицы мрачным и грозным мотивом похоронного марша . . .

На кладбище картина вышла, однако, далеко не внушительной. Над неостывшими еще трупами господ социалисты затеяли передрагу об «автономии» с «территорией», перемешав ее выкриками о мести.

Чуть ли не на второй день после похорон биржа снова начала функционировать, а вместе с ней опять пришел в движение и весь организационный механизм. По-прежнему издавалась и распространялась литература, созывались собрания, проводились стачки. Первое столкновение с хозяевами произошло через две недели. Владелец сталелитейного завода Вечорек потребовал от своих рабочих подписки в том, что они в течение года не будут бастовать. 180 (из 800) сознательных рабочих отказались подписываться и были рассчитаны. После этого свою квартиру и завод Вечорек окружил солдатами. Но, несмотря на охрану, товарищам Антону Нижборскому («Антек») и Яну Гаинскому («Митька») удалось вечером 26-го августа проникнуть в эту квартиру и бросить два снаряда в ее обитателей.

После этого хозяева не решались больше требовать таких расписок и предоставили властям борьбу с рабочими. Через неделю после взрыва в квартире Вечорек город был объявлен на военном положении. Первые же дни военного положения принесли нашей группе тяжелый удар: была арестована типография «Анархия» и вместе с ней товарищ Энгельсон. Удар этот, как и целый ряд вызванных военным положением репрессий, нисколько не нарушил бодрого, решительного настроения, царившего в группе. Через несколько дней товари-

щи явились в одну из легальных типографий и взяли оттуда 18 пудов шрифта. Этот сам по себе мелкий инцидент дает, однако, основание думать, что группа умела стойко противостоять ударам властей. Немало способствовали этому много раз проявлявшиеся симпатии широких масс, основываясь на которых, товарищи рисовали будущности анархического движения самые широкие перспективы. Но удар на этот раз нанесен был с тылу. В то время, как в Белостоке анархическое движение успело приобрести массовый характер и сделалось в тамошней революционной среде господствующим, в других городах России оно еще только зарождалось. Все разрастающееся рабочее движение шло под флагом политических лозунгов. В конце концов мы неминуемо должны были столкнуться с противодействующим влиянием общероссийских тенденций. Эти тенденции и дали себя почувствовать в октябрьские дни. До сих пор мы рассчитывали, что в момент общероссийского подъема рабочее движение в нашем городе пойдет вперед еще скорее. И вдруг мы увидели, что нам приходится начинать сначала. Октябрьские дни принесли и нам политическую стачку. Под влиянием общероссийского движения рабочие и в нашем городе утратили уже начавшее выясняться представление о единстве политического и экономического угнетения. Годами накопленная энергия выливалась по неправильному руслу. Рабочие забастовали, не предъявив никаких экономических требований, объявив таким образом хозяевам перемирие на время борьбы с самодержавием. Как и по всей России, в эти дни наблюдалась какая-то странная смесь мужества и дряблости, отваги и политиканства. Вот, например, грозная тесная толпа силой сбрасывающая замки с тюремных ворот. Через полчаса та же толпа качает полицмейстера, пропевшего дифирамб порядку и свободе. Рабочий картуз и котелок, мозолистый кулак и жирная рука в перстнях — все слилось воедино. И много трудов пришлось приложить нашим агитаторам, чтобы внести разлад в этот противоестественный союз. После целого ряда митингов, массовок и частных собраний нам все-таки удалось добиться того, что рабочие отказались вернуться на работу и выставили целый ряд экономических требований. Хозяева поспешили эти требования удовлетворить, благодаря чему движение на этот раз дальше обычной стачки не пошло.

Для многих из нас даже в этой победе было поражение. Казалось, что в такой момент всеобщего возбуждения экономические требования рабочих должны повлечь за собой целый ряд острых столкновений с буржуазией, которые обеспечат либо невозможность новых с ней союзов, либо, еще больше, попытку непосредственного захвата всех орудий производства и предметов потребления. Но, как сказано выше, движение остановилось на обыкновенной стачке. Можно думать этого не случилось бы, если бы эта стачка не родилась в дни октябрьских ликований и перед группой стал вопрос о том, как зафиксировать создающееся в моменты столкновений с полицией и хозяевами боевое настроение масс. Большинство группы, состоявшее из чернознаменцев, решая

этот вопрос, склонялось к тому, чтобы начать усиленную боевую деятельность, которая по возможности непрерывно поддерживала бы атмосферу классовой войны. Только несколько человек, незадолго до того вернувшихся из-за границы, внесли в этот момент предложение легализации анархической работы. Предложение это вызвало в группе ожесточенную дискуссию, кончившуюся тем, что приезжие товарищи откололись в отдельную группу «Анархия». Группа эта выпустила отдельным оттиском статью из «Хлеба и Воли»: «Анархизм и политическая борьба» и, проработав короткое время, прекратила свое существование.

Старая группа после этого раскола уже официально была объявлена черномозамской. Сейчас же после раскола был поднят вопрос о реорганизации группы. Все кружки, примыкавшие к нашей группе, были разбиты по профессиям и образовали профессиональные федерации. Предполагалось, что эти федерации, находясь в непосредственной связи с жизнью своего цеха, будут каждый раз брать на себя инициативу стачечных выступлений. Многие из нас надеялись тогда, что деятельность этих федераций ликвидирует, наконец, пассивное настроение массы, выжидавшей помощи от анархистов. Этого, однако, не произошло. В таком маленьком городе, как Белосток, где почти все участники революционных организаций знают друг друга в лицо и живут общей жизнью, от этих федераций очень скоро должно было не остаться ничего, кроме названий. По-прежнему масса продолжала проявлять очень мало боевой инициативы, по-прежнему ее пассивность возмещалась деятельностью анархической группы.

Чувствовалось, что Белосток — провинциальный город, живущий отраженным настроением всей России — уже дал для движения все, что он мог дать; очередь следующего шага вперед была за более крупными промышленными и революционными центрами. Жизнь заставила белосточан выйти из узкого круга чисто местных интересов и обратить свои взоры на общероссийское движение, а движение это подавало в то время мало надежд. Вот как рисует тогдашнее положение дел вышедший в декабре 1906 года орган «Бунтарь»: «Весь первый период анархического движения в России, вплоть до начала зимы 1905 года, окрашен борьбой за существование анархизма в России. Старые группы упрочивались, расширяли круг своей деятельности; нарождались новые группы. Влияние анархистов на рабочую среду росло; массы все охотнее прислушивались к их голосу, приучались понимать их речь; число симпатизирующих с каждым днем увеличивалось; группы усиливались новыми приверженцами. И бодрое, живое и жизнерадостное настроение, создаваемое успехом, царило в группах. Чувствовалось, что движение растет, развивается вширь и вглубь.

Так продолжалось до осени-зимы 1905-го года. К этому времени уже стали замечаться первые признаки упадка энергии. Прошел месяц-другой и тяжелая атмосфера какого-то разлада повисла над группами. Работа не клеилась. Появились какие-то мелкие организационные дразги-неурядицы. Чувствовалось,

что что-то неладно, что что-то мешает работать. Всех давило сознание застоя. Какая-то неудовлетворенность, апатия были разлиты кругом. Сознательно или несознательно, но многие чувствовали, что так дольше продолжаться не может, что нужно что-то сделать, исправить, внести что-то новое. Но что сделать? Какое новое содержание внести в работу? Многие полагали, что мешают работать некоторые сравнительно маловажные организационные неустройства; что должно кое-что изменить в типе организации, во внутреннем распределении работы и все пойдет по-старому бодро и живо. Но это был самообман. Организационный тип был изменен, работа перераспределена, а глухое чувство недовольства росло и развивалось. К этому времени и относится зарождение двух новых стремлений, двух новых тенденций: образование группы «безмотивного» террора и группы «коммунаров». Ознакомившись хотя бы вкратце с ними, нам нетрудно будет убедиться, что появление их было почти неизбежно, что сама действительность анархической работы вызвала их к жизни.

Революция разыгрывалась. Грозные раскаты ее приближались. Зловещие, мрачные тучи заволакивали политический горизонт России. Только что прошла победоносная октябрьская забастовка. Россия усиленно готовилась к новой, еще более грандиозной, всеобщей забастовке. Время ее приноравливалось к достопамятной годовщине кровавой петербургской бойни 9-го января 1905 г. . . .

Шумной гурьбой вырвались из подполья революционеры-демократы; опытенные успехом, упоенные «светлыми» надеждами, широко развернули они знамя; и на нем было начертано «демократия». Чутко сторожила момент буржуазия. . . . Плоть от плоти, кровь от крови ее, верные сыны буржуазии гурьбою ворвались в народные собрания и митинги, заполонив все журналы и газеты. Всюду слышна была их проповедь. Они звали угнетенных на бой во имя конституции, во имя «народовластия». Затевался великий исторический обман народа буржуазией. . . . Все выше и выше вздымались волны демократического приboя; все громче звучали голоса демократов-революционеров и буржуа. Ничто не мешало им; ничто не препятствовало обману. Шумно ликовала буржуазия. Ликовала, уверенная в успехе. . . . А жертвы падали. Гибли лучшие сыны пролетариата. Голодали рабочие семьи. Стонала деревня под гнетом нужды. Голодные толпы бродили по России. . . . Борьба шла. Без устали, не зная страха, мощно расправив свою гигантскую спину, народ разил врагов своих. Он поддался обману, он верил буржуазии.

Дольше молчать было бы преступлением. Надо было возвысить протестующий голос, раскрыть обман. Надо было показать буржуазии, что есть еще в рабочей среде люди, понимающие всю ложь и грязь ее намерений и замыслов, что есть люди, решившиеся вступить с нею в смертельный бой и не отступить до конца. Надо было сделать нечто такое, что бы заставило «на миг» оглянуться и увидеть, что буржуазия раскидывает пред ними новые, адски хитро сплетенные сети буржуазной революции.

Как сказать анархическое «слово»? Как сказать его так, чтобы услышала его многомиллионная народная масса, чтобы затрепетала и содрогнулась в ужасе буржуазия? Вот вопрос, всецело поглотивший внимание «безмотивников» и «коммунаров». Между ними часто происходили собеседования, велись споры и дискуссии. Во многом были они не согласны, расходились меж собой. Но как те, так и другие согласны были в том, что движение принимает нежелательный характер, что теперь (т. е. тогда) не время заниматься мелкой местной работой и, во всяком случае, не в ней центр тяжести анархической деятельности сейчас. Они находили, что местная работа сдавила, сузила кругозор групп, что группы всецело ушли в нее и из-за нее не замечают общероссийских задач анархизма в данный исторический момент, не в состоянии подняться до них. Согласны были они также в том, что в террористической деятельности групп преобладают чисто политические акты и что акты экономического террора чересчур редки, бледны и мелки. Им казалось, что политические акты теперь играют на руку демократии, что должно на время отказаться от них, или, по крайней мере, низвести подобного рода акты до возможного минимума, совершая их только в самых крайних случаях. На первый план, полагали они, должны быть выдвинуты акты экономического террора. Его проявления надо участить и усилить. На этом кончалось единогласие «безмотивников» и «коммунаров»; дальше между ними начиналось крупное расхождение по целому ряду вопросов.

Как формулировали «безмотивники» свое понимание момента, в чем видели они свою специальную миссию? Вскрыть и обнажить грубый буржуазно-демократический обман, проявить протест, сказать сильно и ярко свое анархическое слово можно только рядом крупных антибуржуазных «безмотивных» актов. Анархисты должны направить свои террористические удары на буржуазию не только за ту или иную частичную, конкретную вину ее перед пролетариатом; надо разить буржуа, как представителей и цвет буржуазного общества. Пусть вечная угроза смерти, как страшное напоминание о «вечной вине», висит над буржуа каждый миг, каждый час его существования. Пусть не будет среди них «невиновных». Да не знают они покоя.

«Безмотивные» антибуржуазные акты внесут смятение и хаос в лагерь буржуазии, быть может хоть «на миг» отвлекут внимание масс от демократических лозунгов, раскроют перед ними новые и яркие горизонты истинно классовый борьбы и, наконец, подымут падающую энергию групп, углубят и расширят их кругозор. Так думали и верили «безмотивники»; и целно, беззаветно отдались они своей вере. Была сформирована тесная, небольшая группа, добыты необходимые денежные средства; начались приготовления к актам. Результатом их деятельности было динамитное покушение на отель-ресторан «Бристоль» в Варшаве в ноябре и оглушительный взрыв в Одессе пяти бомб в кафе Либмана в декабре 1905 года.

«Безмотивников» не стало. . . Но мысль, воодушевлявшая их, не заглохла.

На смену им пришли другие. В январе 1906 года в одном из городов России собрался многолюдный анархический съезд террористов «безмотивников». Члены съезда образовали из себя террористическую группу. Был намечен ряд крупных «центральных» актов, распределены роли. Но по многим причинам, о которых здесь неуместно распространяться, группа распалась, не успев ничего совершить. К этому же времени относится образование третьего террористического кружка в Варшаве. Но та же печальная участь постигла его: ничего не совершив, он распался.

Перейдем теперь к «коммунарам».

Будучи вообще горячими сторонниками антибуржуазного «безмотивного» террора, они, однако, полагали, что индивидуальный террор не в состоянии разрешить стоящей перед анархистами задачи, что он бесследно, незамеченный, потонет в колоссально огромной демократической волне. Они утверждали, что целой исторической полосе нельзя противопоставить индивидуальный протест отдельных террористических покушений.

Пройдет революция, говорили они, и образами героев-борцов, кровью павших жертв, крестами братских могил на многие, долгие годы освятит в глазах масс демократическое знамя. Чем-то дорогим, выстраданным станет оно для них. Враждебно и холодно встретят тогда массы всякую критику демократии. Чем-то кошунским, святотатственным покажется она им. И надо теперь же на громадном фоне демократии создать хотя бы одну враждебную всей картине точку. Пусть это будет только точка. Пусть вспыхнет и угаснет она. Но след она оставит. Многомиллионные массы заметят и запечатлеют ее в своих умах, как нечто идущее вразрез с идеями и лозунгами демократии. Такой «точкой», утверждали «коммунары», может быть только массовый анархический акт: попытка восстания во имя безгосударственной коммуны. Они хорошо сознавали всю колоссальность и трудность такой попытки, всю слабость и несоответствие своих сил такой задаче. Но именно глубокая важность и вся неотложная необходимость в попытке восстания во имя коммуны давала им смелость, заставляла взяться за разрешение этой задачи. «Коммунары» стали усиленно готовиться к деятельности. Была сформирована небольшая группа, добыто все необходимое для начала работы и скоро группа была в пути по направлению к избранному городу. . . Внезапный арест почти всей группы пресек ее начинания в самом зародыше. Попытка «коммунаров» заглохла. . . О ней больше не говорили; ее не вспоминали. Мысль о ней была оставлена.

Случайно ли только постигла неудача попытку «коммунаров»? Мы думаем, что нет. Для выполнения такой грандиозной, необычайной по широте и смелости замысла задачи недостаточны были индивидуальные усилия одной, хотя бы и значительной по своим размерам, группы. Все усилия, вся энергия, вся мысль и воля всех анархических групп России должны были в течение некоторого времени работать в этом направлении. И только тогда можно было с некоторой надеждой на успех взяться за проведение в жизнь этой попытки.

Все это, столь ясное и очевидное, теперь, когда нами за несколько протекших месяцев накоплен некоторый, хотя и небольшой, опыт, далеко не был таким простым и очевидным тогда. И смешно было бы обвинять «коммунаров» в том, что они этого не видели (если не видели) тогда. Уж если винить, то надо винить проклятые условия, выдвинувшие нас на сцену русской действительности так поздно, в самый разгар революции, не давший нам возможности организовать и окрепнуть и поставившие перед нами такие невероятно трудные и ответственные задачи. Уж если кого-либо винить, то их, эти общие условия, а отнюдь не «коммунаров».

Оба течения, упоминаемые «Бунтарем», имели своих горячих поклонников в Белостоке.

В декабре 1905 г. из Белостока с целью вызвать объявление народом коммуны выехала в Екатеринослав целая группа товарищей. Все они, кроме Стриги, были арестованы в первые дни после своего приезда.

Эта неудача, однако, не обескуражила белосточан. Уже в январе 1906 г. по инициативе тамошних товарищей был созван в Кишиневе съезд «безмотивников», о котором только что упоминалось. Всего на этом съезде вместе с белосточанами присутствовал двадцать один человек. Это были большей частью решительные боевики и вдумчивые люди. Были среди них Гелинкер, Стрига, Федосей Зубарь, Николай Доценко. Наряду с актами «безмотивного» террора на этом съезде было решено предпринять и целый ряд актов против организуемой буржуазии (как, например, против съезда горнопромышленников). Стрига выбрал для себя террористическое покушение за границей по причинам, которые он подробно изложил в своем предсмертном письме. Обе эти попытки отвлекли от Белостока громадное количество местных сил. Работа, тем не менее, продолжалась по-прежнему.

Несмотря на отсутствие типографии, группа продолжает с небольшими перерывами выпускать листки. Террористические акты тянутся непрерывно один за другим. В январе 1906 г. убит на Суражской улице старший городской Монюшко, избивавший в участке арестованных. Через неделю после этого на главной улице (Липовой) тяжело ранен владелец портняжной мастерской, Лифшиц, выдавший полиции приходивших снимать с работы в его мастерской. В марте 1906 г. Гелинкер и еще один товарищ ранят пристава и убивают его помощника, который принимал деятельное участие в избиении 30 июля. Через несколько недель те же два товарища бросают два снаряда в жандармское отделение (убито только два жандарма, но уничтожены почти все бумаги). К этому же времени относится захват десяти пудов шрифта в типографии Пружанского.

Продолжалась также и стачечная деятельность. Вместо того, чтобы дать ее общую характеристику, остановлюсь на одном инциденте, который мне кажется типичным для тогдашнего состояния, как нашей группы, так и рабочей массы. В апреле 1906 г. начинается крупная забастовка сапожников, которые

добивались от владельцев крупных магазинов открытия мастерских. До тех пор эти магазины пользовались обувью, привозимой из других городов, и требование рабочих представляло собой лишь голос конкурирующего труда, стремящегося урвать кусок у иногороднего собрата. Группа решила держаться в стороне от этой стачки. Но вот один из предпринимателей, некто Клецкий, пригрозил рабочим солдатами. Частное столкновение таким образом начинает приобретать общий характер. На другой день после этих угроз в магазин Клецкого была брошена бомба. Листок на еврейском и русском языках, выпущенный по поводу этой бомбы, подчеркивал, что анархисты бросили бомбу именно вследствие угроз Клецкого вызвать солдат. И получилось впечатление, что до тех пор, пока будут существовать хозяева и рабочие, первые будут прибегать к помощи солдат, а вторые будут отвечать на это бомбами. Но на самом деле рабочие, даже сапожники, заинтересованные в этом инциденте, видели в этой бомбе исключительно проявление третьего лица — анархической группы. И рабочие, и хозяева прекрасно понимали, что не будь анархистов, не было бы и бомбы, и Клецкому ничего не стоило бы привести в исполнение свою угрозу. Сбитые с толку всероссийской политикой и политиканством рабочие массы Белостока далеко отошли от ими же воеванного революционного авангарда. Вместо того, чтобы быть застрельщиком движения, этот авангард силою обстоятельств превратился в единственное действующее лицо. И только небольшая часть рабочей массы продолжала по-прежнему чутко отзываться на проявления нашей работы, продолжала следовать нашему примеру. Многие из нас в это время уже понимали, что при создавшемся положении дел очень скоро должен наступить крах.

Крах этот и наступил в нашумевшей забастовке нитярей. Первоначально забастовало всего человек 300. Но по условиям производства эта забастовка заставила бездействовать несколько тысяч человек. С самого начала она приняла самый бурный характер. Уже во время снятия с работы на одной из фабрик произошло форменное сражение с полицией. (В этой стычке был тяжело ранен и арестован в июне 1907 г. казненный в Варшаве т. Исаак Гейликман) Хорошо понимавшая положение дела крупная буржуазия организовала несколько собраний, на которых было решено во что бы то ни стало бороться до конца. Эта стачка, говорили буржуа, должна решить вопрос, кто хозяева Белостока — мы или анархисты. В первые же три дня стачки четыре динамитных снаряда было брошено в квартиры фабрикантов Рихтера, Фрейдкина (тяжело ранен), Гендлера и директора фабрики Комихау. (Три из этих снарядов бросил т. Юзиф Мыслинский, казненный в Варшаве в 1906 г.) Владельцы фабрик бежали после этого за границу, но, чувствуя за собой моральную поддержку всего, что было в Белостоке имущего, они твердо стояли на своем и не уступали. Вместо того, чтобы нападать на фабрики, рабочие ждали, что сделают анархисты, а перед нами не было врага — противник бежал за границу. Был, правда, один только исход — взять исключительно на себя войну не только с владельцами пря-

дильных фабрик, но и с теми, кто стоял за их спиной — со всей белостокской буржуазией. Несколько товарищей внесли в группу предложение объявить, что мы не прекратим военных действий до тех пор, пока не разрушим хозяйского заговора. Предлагались также и конкретные меры этой войны — говорили о том, чтобы по всей Липовой (главная улица Белостока) расставить адские машины и взорвать на воздух всех крупных буржуа.

Начиная чувствовать свое первое моральное поражение, группа готова была и на это единоборство. Только благодаря случайному присутствию одного из редакторов «Бунтаря», который сумел доказать, что в таком единоборстве белостокская группа — самый крупный центр русского анархизма — неминуемо погибнет, ничего не добившись, план этот был оставлен.

Стачка потерпела поражение; вместе с нею тяжкое, если не смертельное поражение понесла и наша группа.

Настроение товарищей было немного поддержано небольшой по размерам стачкой слесарей, каретников и кузнецов, которая кончилась полной победой рабочих, достигнутой благодаря их активности; но до прежней высоты деятельность группы уже не поднималась. Энергия рвавшихся к делу боевиков нашла свое выражение в длинном ряде террористических покушений, перечень которых мы приведем ниже; но надо сказать, что покушения эти все меньше и меньше шли в ногу с рабочим движением по той простой причине, что движения этого больше не было.

9-го мая произошел геройский отпор, лишивший нас товарища Гелинке-ра, смерть которого глубокой болью отозвалась в сердцах всех белостокских анархистов. Но они все же не оставляют поля битвы. Победить или умереть в борьбе — таков был лозунг, с которым анархисты обращались к массам. И когда массы, сбитые с толку господами политиками, не вняли этому лозунгу, лучшая часть анархистов предпочла отступлению смерть в бою.

Пожалуй и для всех было ясно, что сражение уже проиграно, но сражаться с врагом неудержимо стремились все без исключения.

27-го мая товарищи Нижборский («Антек») и Чернецкий («Олек») нападают вдвоем на отряд полицейских, прикомандированных к охранному отделению и убивают старшего городского Шейнмана.

В конце мая человек пятьдесят пьяных солдат пытаются начать погром на толкучем рынке. Наши товарищи вместе с другими революционерами в несколько минут рассеяли их.

Но 1-го, 2-го и 3-го июня разыгрался мрачный белостокский погром; описать его не буду, так как подробности его слишком хорошо всем известны из легальных газет и из дебатов, происходивших по поводу его в Государственной Думе.

Многие после погрома называли Суражскую улицу и прилегающие к ней рабочие кварталы анархической крепостью, в которую хулиган не посмел проникнуть.

Мне кажется необходимым отметить, что среди отряда, сумевшего отстоять от разгрома целую часть города, было только двенадцать человек, вооруженных бомбами и револьверами, у остальных же было только холодное оружие. Среди этих товарищей особенно выделялся своим мужеством только что вступивший в группу М. Шпиндлер.

Им же несколько времени спустя после погрома был убит шпион Эдуар Нежик, по инициативе которого громилы вбивали гвозди в головы избиваемых. Выждав его у загородного театра, Шпиндлер на глазах у многочисленной публики стащил его за шиворот с конки, на которую тот успел сесть и всадил в него все заряды своего браунинга.

В июне при участии Шпиндлера была брошена бомба в начальника охранного отделения Ходоровского.

В сентябре Городовойчик вместе с другим товарищем убивают секретаря охранного отделения.

13-го ноября Городовойчик и Шпиндлер ранят шпиона. На следующий день их хотят арестовать. Зоркий Шпиндлер еще издали заметил грозящую опасность.

- Нас хотят арестовать.
- С каких пор ты стал таким пугливым?
- Солдаты направляются в нашу сторону. Бежим.
- Беги, если хочется. Пустые страхи.

Шпиндлер ускорил шаги и остановился у ближайшего переулочка, чтобы посмотреть, что случилось с товарищем. Последний уже бежал, отстреливаясь от полицейских и солдат.

— В переулочек! — кричит он ему, в свою очередь открывая стрельбу по солдатам.

Но с разбегу тот минует переулочек и им приходится вести перестрелку в одиночку. Шпиндлеру и на этот раз удалось скрыться; но Городовойчик был взят. Всю дорогу до участка отбивался он от избивавших его городских и часто восклицал: «Да здравствует анархия!» В участок тотчас приехал генерал-губернатор Богаевский.

- Как тебя зовут?
- Анархист-коммунист.
- Чем занимаешься?
- Бомбы делал. Одну на прошлой неделе для тебя приготовил, да видно уж товарищам придется за меня это дело кончить.

Шпиндлер счел эти слова своего погибшего друга завещанием для себя лично. 15-го ноября Городовойчика по приговору военно-полевого суда расстреляли. Перед казнью он обратился к солдатам с короткой речью, в которой выяснял им весь позор их роли палачей. Солдаты решились стрелять только после вторичной команды.

В январе 1907 г. был в дверях своего дома убит фабрикант Гендлер (в его

квартиру была брошена бомба еще во время стачки нитярей). Об этом убийстве был выпущен печатный листок.

Около того же времени Шпиндлер убивает несколько шпионов, для одного из которых на другой день после его смерти получилась из Петербурга медаль за усердие.

В начале марта Шпиндлер и Вассер, выполняя завещание казненного Городовичика, бросают вместе бомбу в генерал-губернатора Богаевского. Бомба взорвалась, не причинив никому вреда.

Около того же времени убит целый ряд городских и шпионов.

В ночь на 16-ое марта полиция напала на квартиру, в которой находились Шпиндлер, Вассер и еще один товарищ. Этот последний, не имея при себе оружия, успел ретироваться во двор, откуда скрылся, разобрав крышу какого-то сарая. Остальные два отстреливались в течение шести часов (у них была всего одна бомба, которую они бросили в самом начале отпора). Последние пули они приберегли для самих себя. Тов. Вассеру удалось, однако, только тяжело ранить себя. По слухам, он умер в варшавской цитадели.

В апреле хозяева сапожных мастерских пытаются организовать локаут. Их организатором явился мелкий хозяйчик М. Лис. 13-го апреля он был убит Иосифом Белянским («Иосель Шустер», казнен в Варшаве в ноябре 1907 г.). Вскоре после этого покушения в белостокской группе впервые появляются тревожные признаки провокации.

Тем не менее, она еще в состоянии принять деятельное участие в стачке сапожников и заставить хозяев уступить (сентябрь 1907 г.). Но после этого группа больше не проявляет себя. Все силы уходят на борьбу с провокаторами. Несколько провокаторов было убито, но, несмотря на это, провокация победила. Группа распалась после того, как почти все ее активные участники были арестованы.

Так печально закончилось первую стадию своего существования столь блестяще начавшееся анархическое движение в Белостоке.

По всей России анархическое движение началось уже в период разгара революционных событий, без прочных организаций, без предварительной организационной работы. Это движение не могло не пасть под ударами организованного капитала и власти. Один только Белосток знал эту многолетнюю анархическую работу и от него можно было бы ждать других результатов, но . . . «один в поле не воин».

Белосточанин

Личности

Антон Нижборский («Антек»)

20-го августа 1906 г. погиб наш товарищ Антон Нижборский. Преследуемый полицией и шпионами после «экса», он отчаянно отстреливался. Раненный приставом в ногу, Нижборский не растерялся, бросился к экипажу, в котором ехал пристав и произвел в него 7 выстрелов, ранив его в плечо и руку. Больше 40 пуль выпустил Антек. Полиция и шпионы прибывали со всех сторон. Бежать было не в натуре его. Отступление было отрезано. Сдаться живым в руки полиции он не хотел. И последнюю пулю припрятал Антек для себя. Хладнокровный и спокойный до конца направил он дуло револьвера в свой висок. В последний раз нажал курок браунинга. Грянул выстрел и он пал мертвым.

Антека не стало. Глухой, гнетущей болью отзывается эта смерть в сердцах товарищей. Мысль не мирится со смертью его, такого еще молодого, юного, полного отваги и сил, полного стремления к борьбе, далеко не свершившего всего, что мог.

Меньше года был Антек в наших рядах. Короткий, ничтожный период, но он весь полон тяжелых тревог и борьбы. Стать анархистом для Антека не означало только верить и исповедовать идеи и идеалы анархизма. Быть всегда впереди в момент опасности, не страшась смерти участвовать в самых опасных и рискованных групповых предприятиях, бороться с врагом, бороться всегда, до конца — так понимал Антек роль свою и других в анархическом движении. Характерен сам переход его к анархизму. Осенью 1905 года в Белостоке разыгралась стачка на крупном тамошнем заводе Вечорка. Стачка кончилась неудачей. В результате много рабочих было рассчитано и выброшено на улицу. В числе прочих был рассчитан и Антек. Все мало-мальски сознательные элементы были удалены. «Крамола» — подавлена. Оставшиеся на заводе рабочие боязливо-робко, покорно подчинялись всем требованиям заводской администрации. Какая-то атмосфера рабской приниженности, боязнь быть каждую минуту выброшенным на мостовую воцарилась на заводе. Жестокий и тупой хозяин-капиталист Вечорок торжествовал победу. Казалось, ничто не в состоянии нарушить это грязно-сытое довольство. . . Жажда мести загорелась в душе Антека. Он был социал-демократом, кажется членом П.П.С. Туманные речи социал-демократов о классовой борьбе, пространные и неясные рассуждения о вреде и нецелесообразности террора отталкивали Антека от социал-демократии. Здоровый революционный инстинкт, верное чутье рабочего подсказали ему иную тактику борьбы с буржуазией. . . Антек вместе с одним близким его товарищем стали искать связи с работавшей в Белостоке анархической группой. Найти их им было не трудно. И вскоре Антек и его товарищ, снабженные приготовленной группой македонской бомбой,

совершают свой первый террористический акт. Не взирая на поставленный почти у самого дома солдатский патруль, не обращая внимания на страшную опасность быть застигнутыми, они под прикрытием ночи пробираются к самому фасаду дома и через окно бросают свой снаряд в квартиру. Взрывом бомбы была ранена дочь Вечорка. Сам же Вечорок по какой-то случайности уцелел. Акт этот произвел сильное впечатление на массы, приподнял их настроение и заставил внимательно, чутко прислушаться к голосу анархистов.

Разыскиваемый полицией Антек вынужден был перейти на нелегальное положение. Некоторое время он оставался в Белостоке. Без работы, лишенный каких бы то ни было средств к существованию, сильно нуждался Антек. Но никогда никто из товарищей не слышал от него слова упрека, никогда жалоба не срывалась с его уст. Временами Антек появлялся на групповых квартирах. Он приходил тихий и скромный, молча выслушивал споры и речи, делил с товарищами их скудную трапезу, расспрашивал о состоянии дел и уходил такой же тихий и скромный. . .

Две черты характеризуют Антека. Храбрый и отважный, поразительно хладнокровный и смелый, Антек всегда безбоязненно-открыто смотрел в глаза опасности. Не знающий пощады в борьбе, как лютей зверь бросался он на врага. Какая-то кипучая ненависть, странная инстинктивная злоба загоралась в нем. И тот же Антек в кругу своих товарищей превращался как бы в другого человека.

Грустные, синие порою с легким оттенком скорби, глаза; мягкая, тихая, несколько страдальческая улыбка на устах; простое, измученное тревожно-трудную жизнью нелегального, лицо — так встает перед нами образ Антека. Порою, когда измученные, наболевшие, взвинченные напряженно-тревожной атмосферой борьбы и опасностей, нервы не выдерживали, когда слова глухого раздражения и обиды готовы были сорваться с уст, в спор товарищей вмешивался Антек. Его уступчивость, мягкость, стремление сделать все, лишь бы не дать накопившемуся раздражению вылиться в спор, успокаивающе действовали на окружающих. Готовая было вспыхнуть ссора замирала. Казалось Антек физически, всем своим существом страдал от недоразумений и ссор меж товарищами. Помнится, один, ныне уже погибший, мальчик-товарищ Онуфрий, характеризуя Антека, сказал: «он был такой. . . тихий, на все согласный»; и в дрогнувшем голосе его зазвучали тоскливые ноты боли и сожаления. «Тихий», «согласный» Антек — лучше охарактеризовать его нельзя.

Вспоминается одна глубоко-трогательная, наивно-детская сценка в Белостоке. Серьезно заболела товарищ, девушка. Товарищи часто навещали ее. Приходил изредка и Антек. Приходил молчаливый, застенчивый. Какая-то таинственная, детски-загадочная улыбка бродила на углах губ, отражалась в синих грустных глазах. Карманы его серой рабочей куртки как-то странно оттопыривались. Тихо, молча уселся он и так сидел несколько минут. Потом вдруг поднялся и из карманов куртки вылетела пара живых голубей. Это Антек,

заботясь и беспокоясь о больной, где-то словил их на чужой голубятне, зная, что доктор прописал больному товарищу суп из голубиноного мяса. . . Смущенный эффектом он снова уселся обратно и детски-радостная, довольная улыбка озаряла все лицо его.

Как характерен этот маленький, несколько курьезный факт для всего Антека. В нем отражается вся трогательно-нежная заботливость и чуткость его застенчиво-мягкой, чистой души.

В декабре Антек оставляет Белосток и уезжает в Екатеринослав. Начинается самый трудный, тревожно-бурный и тяжелый период в его жизни. Тщательно разыскиваемый полицией в Белостоке, а вскоре в Екатеринославе, он вынужден жить нервно-напряженной, полной лишений и тревог жизнью нелегального. Скрываться на квартире, хотя бы и конспиративной, было не совсем безопасно. И в течение целого полугодия Антек еще вместе с некоторыми нелегальными товарищами проводит ночи в степи, лозах, на реке. Бессонница, изнуряющий холод губят здоровье, точат силы. Непогода, дождь, сырые пронизывающие ветры, вечно тревожное ожидание полицейской облавы. . . Так, ночь за ночью, непрерывной цепью тянутся ночлеги под открытым небом. Неразлучный с браунингом Антек днем порою появляется на самых людных улицах города, всегда готовый дать отпор полицейской орде, всегда готовый дорого продать свою жизнь.

В январе Антек едет на многолюдный анархический съезд террористов «безмотивников» и там при распределении актов выбирает для себя, если не ошибаемся, взрыв ближайшего съезда горнопромышленников России. Несколько позже, по какому-то поводу, Антек, совершенно не считаясь со страшной опасностью быть схваченным и арестованным, едет в Белосток. Там он участвует в удачном покушении на жизнь белостокского полицмейстера и, кажется, также в покушении на пристава тайной полиции Шейнмана. За ним и его товарищами полиция следит и гонится по пятам, устраивает на них чуть ли не облавы. Происходят стычки и Антек, отстреливаясь, удачно избегает ареста. Антек вновь в Екатеринославе. Вновь та же напряженно-нервная жизнь, перестрелки с полицией, бессонные ночи и тревожные дни. За это время он принимает участие в ряде крайне смелых и опасных групповых предприятий. . . Группа остро нуждается в деньгах. Горька, обидно-тяжела была для Антека мысль погибнуть на «эксе». Все внутри его не мирилось с такою возможностью. Но сильно развитое чувство долга заглушало все. И Антек участвует в ряде «экссов». Последний «экс». . . неудача. . . перестрелка с полицией. . . рана. . . и Антек, окруженный со всех сторон, спокойный и гордый, кончает с собою.

Погиб Антек. . . Безвременно рано оборвалась нить молодой жизни. Скорбь и думу сеет смерть его. Встает его образ — печальный и отважный! Как много тревог, как много борьбы вынес этот юноша-борец! Он умер. . . Но память о нем не исчезнет. Пока будет жить в русском анархизме революционная отвага и гнев, пока не выпадет из рук его острый, разящий меч борьбы, образ

«Антека из Белостока» будет ярко гореть и не угаснет в сердцах товарищей. И в длинном скорбном списке павших борцов пролетариата никогда не изгладится имя его . . . Антека не стало. Но дело, во имя которого боролся и умер он, не заглохнет. Придут другие борцы. Грозен будет их гнев, страшны удары. В ужасе содрогнется враг. И рухнет проклятый мир скорби и слез!

Спи же спокойно, дорогой товарищ! Незабвенная память тебе!

(«Бунтарь», № 1)

Анархист-коммунист Арон Елин («Гелинкер»)

«В начале было дело».

Гете.

Во вторник 9-го мая 1906 года в Белостоке полиция и солдаты напали на рабочих, скрывавшихся на кладбище, с целью их арестовать. При этом произошла перестрелка, в которой погиб горячо любимый всеми товарищами восемнадцатилетний Арон Елин.

Сколько бы я ни говорил о нем, а все не хватит слов. Его мужество, его любовь к опозоренным, страдающим рабочим, его ненависть к проклятому, освященному веками, рабству, к презренным владыкам, лишенным человеческого достоинства — всех его качеств революционера никакими словами не опишешь. Я ограничусь поэтому лишь беглым очерком его детства и революционной деятельности.

Он был революционером и анархистом, потому что вся его жизнь, жизнь человека, родившегося в рабочей семье, не открывала ему другого пути. Он прожил мало, но вся его короткая жизнь была посвящена освобождению порабожденных.

Елин родился и воспитывался в бедной семье. Хорошая, но больная мать сильно любила маленького Арона. Недолго, однако, пришлось ему испытывать материнские ласки. Болезнь навсегда оторвала от него мать. Она заболела. В доме стояла страшная нужда. Нечем заплатить доктору, нечем заплатить за лекарство. Болезнь развивалась медленно; долго лежала без помощи больная женщина, пока смерть не избавила ее от страданий.

Положение ребенка стало еще худшим. К бедности, которая теперь стала еще сильнее, прибавилось страшное одиночество. Его отец до фанатизма религиозный и вдобавок очень плохой человек мало интересовался судьбой своих детей. Несколько лет росло брошенное дитя, не встречая ни любви, ни ласки, к которым так сильно стремится душа ребенка. Правда, старшие брат и сестра очень любили Гелинкера, но сделать для него ничего не могли. Им самим жилось не лучше, чем Арону. Старший брат был учеником у портного; на всю свою жизнь вместе с одеждой, едой и квартирой у него был один рубль в неделю. Однажды, во время зимней стужи, от которой его слабо защищали

жалкие лохмотья, он простудился и слег. Как и мать, он умер, не дождавшись врача, не получив лекарства.

Отец Гелинкера женился во второй раз. К голоду, холоду, одиночеству прибавились еще попреки и ругательства мачехи. Жизнь стала совершенно невыносимой. К довершению всех бед религиозный отец часто поколачивал и выгонял из дому мальчика, который не хотел «идти по пути благочестивого еврея».

Ребенок начал целыми неделями жить на улице. Часто целый день ходил он, не евши, а вечером укладывался спать где-нибудь под чужим крылечком. В эти-то дни невыносимо тяжелого детства и зародилась в его душе безграничная ненависть к богатым и сытым. Один друг все же был у него и в те времена — это его единственная сестра, которая часто защищала его от отца и мачехи. Так протекали его детские годы. Часто, вспоминая свою мать, он со вздохом говорил: «ее еще можно, было спасти. . . но не было денег». . . Это воспоминание об умершей матери доставляло ему страшную боль и вызывало ненависть к чему-то, что было повинно в ее смерти. Кто был этот виновник, он еще не знал.

Ребенок подрос и начал стремиться к тому, чтобы стать самостоятельным, независимым от отца. Он хорошо понимал, что для этого нужно научиться какой-нибудь работе. Маленький мальчик без посторонней помощи поступает учеником в слесарную мастерскую. Позже он перешел в кожевенный завод и остался кожевником. Ему было тогда тринадцать лет. Начинается новая жизнь. Нет больше ни отца, ни мачехи с ее ругательствами и побоями, юный рабочий дружен со своими товарищами по работе. От них он впервые слышит про хозяев, про эксплуатацию. Виновник его сиротства, его страшного детства наконец найден. Ненависть ко всему, что есть в жизни угнетающего и презренного, любовь к обиженным еще сильнее разрастаются в молодой груди. Гелинкер становится социалистом-революционером. С воодушевлением и преданностью делает он все, что может, ведет усиленную агитацию, организует кружки, распространяет литературу. Эту деятельность он ведет больше года. Стесненный партийной дисциплиной в проявлении своей революционной энергии, он вместе с несколькими своими друзьями выходит из с.-р-овской организации. Прочитав большое количество анархической литературы, прослушав целый ряд лекций, выдержав многочисленный ряд дискуссий, и что особенно важно, лучше присмотревшись к окружающей действительности, все они примыкают к анархической группе.

Теперь для Арона начинается период неутомимой, непрерывной борьбы. Его любовь к страдающим и угнетенным, его ненависть к подлой шайке палачей не позволяют ему ограничиваться только внутренним убеждением необходимости переменить существующий порядок вещей, а толкают претворить это убеждение в действие.

Решительно, с могучей волей борца и пионера борьбы выступает он на арену общественной жизни. С гордостью и энергией с удивительным присутствием

духа принимает он участие в атаке основ власти. Его преданность и неустрашимость в этой неустанной борьбе не поддаются описанию. Пусть расскажут об этом его дела, лучше всяких слов рисующие его любовь и ненависть, его готовность к самопожертвованию.

Его первое выступление произошло в Белостоке, где он стрелял в казачьего офицера, разгонявшего рабочую биржу вместе с отрядом казаков. Немного времени спустя он вместе с другими товарищами убивает дворника, который выдал полиции рабочих. 4-го июля 1905 года, он в центре города бросил бомбу в группу полицейских, из которых многие (в том числе один пристав и помощник полицмейстера) были убиты и ранены. Улицы были тогда полны солдат, но, несмотря на это, Гелинкеру все же удалось благополучно скрыться. В августе мы видим его в Киеве. Шайка хулиганов напала на него и одного из его товарищей; оба они открыли стрельбу из револьверов. Ударом железной палки по руке был выбит револьвер у его спутника и последний поспешил скрыться. Гелинкер остается один, но продолжает стрельбу и убивает двух хулиганов. В конце концов, он все же был схвачен, страшно избит и арестован.

24-го октября его по ошибке вместе с другими амнистированными освобождают из радомысльской тюрьмы. В ноябре он приезжает в Бердичев. Явившись к одному из буржуа, чтобы потребовать денег для тамошней группы, он один выдержал сражение с целым отрядом казаков. Одного из них ранил, другого убил, ранил также этого буржуа, а сам скрылся невредимым.

Все это, однако, мало удовлетворяло Гелинкера; вместе с целой группой своих друзей он задумывается над тем, как проложить дорогу революции социальной; он делается сторонником безмотивного террора и принимает непосредственное участие в покушении на кафе Либмана в Одессе.

Позже Арон возвратился в Белосток. Здесь он принял участие в покушении на жизнь пристава и его помощника, из которых, первый был ранен, а второй убит. Немного времени спустя, он принял участие в метании двух динамитных снарядов в жандармское управление.

А теперь, когда полиция и солдаты хотели его арестовать, лишить его свободы, он мужественно пошел навстречу своим вечным врагам. Едва увидев полицейских, он открыл по ним стрельбу. Нападавшие со страху растерялись настолько, что стали прятаться друг за друга. Только один из всех солдат рискнул открыть стрельбу. Пуля попала Гелинкеру в ногу; упав на колени, он продолжает стрелять. Но следующие две пули из винтовки попали ему в грудь; обливаясь кровью, он упал навзничь. Собрав последние силы, он поднялся на одной руке, а второй продолжал стрелять. В этот момент он ранил помощника пристава и двух солдат. С дикой ненавистью набросились на него враги и штыками закололи его.

Прервалась незабвенная жизнь!

Последними его словами было: месть убийцам! Я умираю как анархист . . . я сопротивлялся . . .

На его револьвере нашли вырезанную надпись: «смерть тиранам».

Так жил, боролся и в борьбе сложил свою юную голову анархист-коммунист Арон Елин.

Нисан Фарбер

Нисан родился в 1886 г. в местечке Порозове (Волоков. уезда, Гродненской губ.) в семействе бедняков-евреев. Мать его скоро умерла, а отец принужден был влачить нищенскую жизнь, живя при местной синагоге. Ребенок отдан был на воспитание в чужую семью. Восьми лет он уже был в еврейской школе в Белостоке и вел бедную жизнь, кое-как поддерживаемый благотворительным обществом. Не имея возможности учиться дальше, Нисан через два года поступил учеником в пекарню. Здесь он познал весь ужас жизни ребенка-рабочего. В душной, темной комнате, под брань надсмотрщика, на побегушках у него приходилось работать от зари до зари, по 18 часов в сутки — с середины до пятницы без отдыха. . . Наконец, Нисан «выучился», пройдя суровую школу труда и стал подмастерьем.

Зная жизнь пролетария, жизнь, полную невзгод и лишений, юноша чутко относился ко всему, касающемуся рабочего дела. Весь досуг, все часы и минуты, урванные у каторжного труда, он посвящал книгам. Он знал только жаргонный язык и воспитывался исключительно на еврейской революционной литературе. К этому времени — ко времени 1903 г. началась в Белостоке анархическая пропаганда. Анархисты являлись на митинги, массовки, организуемые бундовцами и польскими социалистами. Шли горячие дебаты. Пылкий, чуткий Несель сразу примкнул к анархизму и оставался верен ему до конца. Он отдался движению всей душой. Не было буквально ни одного собрания, где бы он не выступал, горячо дебатировав с бундовцами, нападая на их парламентаризм и легализаторскую тактику.

Первыми настольными книгами его были: Себастьян Фор «Человек», «Преступник против преступника»; Э. Малатеста «Анархия»; Яновский «Азбука анархизма». Идеи их он пропагандировал широкой массе. Смелый, решительный, он был всегда впереди во всех стычках с полицией. В 1904 г. в Белостоке царил кризис. Тысячи безработных были выброшены на улицу. Изнуренные голодовкой, рабочие просили хлеба. Нисан все это видел, близко принимая к сердцу. Его мучила проклятая жизнь, и он думал: «когда мы, рабочие, страдаем от кризиса, когда царит безработица, и нет хлеба — мы должны идти и брать все необходимое». Слово у него не расходилось с делом. И вот в одно утро мы видим его на базаре, среди массы безработных. . . Он говорит, он увлекает толпу. . . Он предводительствует ею. Безработные нападают на богатые булочные и магазины, забирая хлеб, мясо и прочие продукты. Замеченный полицией, он вскоре, как «зачинщик», был арестован. Его везут в тюрьму, оттуда отправляют по этапу, как безработного на родину. Много так тогда было

выслано рабочих из Белостока! Такова была тактика полицмейстера. Через несколько времени Нисан снова в Белостоке, на этот раз нелегально. Зная по опыту нужду в тюрьме, он с товарищами «экспроприирует» хлеб и пищевые продукты для раздачи заключенным политическим и уголовным. Во время такой передачи через забор он снова арестован. На этот раз его жестоко избивают в участке. Он кашляет кровью. Отсидев несколько времени, он снова идет по этапу. И так в течение нескольких месяцев он шесть раз высылался и опять приезжал обратно. Его избивали в полиции, сажали в тюрьму. Арестанты, хорошо знавшие «Неселя Черного», подшучивали над ним, говоря: «он опять у нас на свидании».

Так прошло лето. Осенью положение безработных еще ухудшилось. Особенно оно было ужасно у ткачей с фабрики Авраама Когана. Этот эксплуататор был неумолим и дольше всех буржуа противился исполнению требований рабочих. Он и явился организатором фабрикантов для борьбы со стачечниками. При помощи полицмейстера он выписал из Москвы несознательных рабочих «штрейкбрехеров», которые и заступили место бастующих белостокских ткачей. Организация Бунда послала на фабрику отряд (в 28 ч.), чтобы «снять» с работы изменников рабочего дела. Они набросились на работавших и порезали на двух станках сукно. «Штрейкбрехеры» ответили избиением пришедших при помощи железных вальков. Один бундовец пал замертво, многие были ранены, остальные бежали. Явилась полиция и произвела аресты. Положение забастовщиков стало еще безнадежнее. Голодовка сделалась хронической. Ее уже не могла предотвратить даже филантропия местных либералов, организовавших из боязни «голодного бунта» даровые столовые.

Нисан все это видел. Ненависть кипела у него в груди, и он решился отомстить главному виновнику. В праздник «Судного дня», среди многочисленной толпы, утром в синагоге он нанес два удара кинжалом в голову и грудь Аврааму Когану. Последний упал, обливаясь кровью. Нисан скрылся.

Это был акт антибуржуазного террора; рабочие поняли, что анархисты протестовали против капиталистической эксплуатации. «Голодные, безработные — вы, чья жизнь полна нищеты и страданий — идите и поражайте тех, кто пьет вашу кровь, сосет ваши нервы, кто живет, наслаждаясь, когда вы гнетесь под ярмом непосильного труда, или когда вас выбрасывают на мостовую, как ненужную ветошь. Смерть капиталистам! Смерть паукам пролетариата!» Так говорило это покушение; к такой борьбе звал своим примером Нисан братьев-пролетариев.

Несколько недель спустя — новые жертвы, новое насилие. . . Был праздник «Кущей». В лесу бундовцы организовали митинг. Он был настигнут полицией с полицмейстером во главе. . . В безоружную толпу стреляли. . . До 30-ти рабочих и работниц было ранено. Все бежали. Представители государства, эти верные псы капиталистов, запятнали себя новой кровью рабочих. Молчать было невозможно. Пусть бундовцы резонируют, обещая царизму все небесные

кары — надо ответить теперь. Но как?

Об этом подумал Нисан. Он сам приготовил македонскую бомбу и 3-го октября, на окраине города у парка «Зверинец» произвел опыт. Произошел взрыв, слышный далеко в окрестности. Уверенный в успехе, Нисан 6-го октября вошел в первую полицейскую часть. Он надеялся застать здесь всю свору с полицмейстером во главе. Его не было. Медлить было опасно. Движение руки, и бомба брошена. Раздался оглушительный взрыв. Среди шума падающей мебели, звона разбитых стекол, в дыму, внутри комнаты валялось несколько обезображенных тел. Были ранены полицейский надзиратель, два городских, секретарь полиции и два посетителя буржуа.

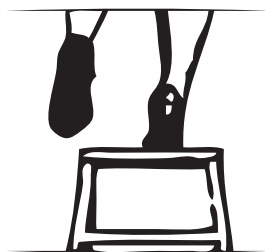
Но и сам Нисан погиб, сраженный осколком бомбы. . .

Прошел год. Анархическая пропаганда в Белостоке усилилась, акты социального террора участились, движение пошло далеко вперед, — но рабочие-анархисты никогда не забудут своего товарища, первого борца. И когда они пойдут на штурм буржуазии во имя социальной революции, его страдальческий образ будет в их мыслях, как и образ всех, погибших во имя анархизма.

Библиотека Анархизма

Антикопирайт

21 мая 2012

Аноним

Рождение пролетарского анархизма в России
Из воспоминаний участника белостокской группы
1909

Сохранено 3 января 2012г. из belarus.avtonom.org